

США: новые реалии

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-12

Феномен «нового популизма»: американское измерение

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, ул. Профсоюзная,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. (2020) Феномен «нового популизма»: американское измерение // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. С. 253–277. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-12

Статья поступила в редакцию 12.01.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье на примере Соединенных Штатов Америки рассматривается эволюция идейно-политических установок, сущностных характеристик и инструментальных функций современного популизма. Общеизвестно: популизм отличается от других политических течений непосредственной апелляцией к избирателям/народу как к недифференцированной социальной массе и тем самым представляет собой действенное средство мобилизации массовых слоев населения в условиях устойчивого кризиса политической системы и ее институтов. Инструментальная действенность популизма нередко используется для необходимой обществу перегруппировки социальных сил и для придания всей политической системе большей эластичности, для повышения ее отзывчивости к интересам «человека улицы», т. е. рядового избирателя. Правящие группы, особенно в США, научились эффективно использовать популизм в качестве силы, способной сни-

жать накал социальных конфликтов, а также для необходимой им самим интеграции «недовольных» в существующие институты государства. Первым и весьма успешным примером такого рода стал «новый курс» Ф.Д. Рузвельта, политическим итогом которого стало создание в Америке «общества среднего класса», не восприимчивого к крайностям как правого, так и левого свойства. В настоящее время наложившиеся друг на друга цивилизационный «разлом» и политический кризис вынудили влиятельные силы американского общества вновь обратиться к популизму как к проверенному средству модификации модели развития Америки и успокоения значительной части населения этой страны. Президентские выборы 2016 года наглядно продемонстрировали значительные инструментальные возможности популизма, проявившиеся, в частности, в определенном подновлении социально-экономического курса США. Похожие процессы наблюдаются и в других

«институционализированных демократиях» Запада, что позволяет рассматривать «новый»/«национальный» популизм как относительно устойчивое и долговременное явление социально-политического развития Запада.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: популизм, «национальный популизм», кризис американского общества, перегруппировка сил, Дж. Уоллес, Р. Перо, Д. Трамп, социально-имущественные диспаритеты, цивилизационный раскол общества, Ф.Д. Рузвельт

В первой четверти XXI века мир продолжает усложняться как в структурном, так и в организационном отношении. Объективно возникает потребность в инструментарии обновления экономики, политики и самой модели управления обществом. Концентрированным выражением этой потребности стала совокупность инициатив, в политическом обиходе получивших обобщенное именование *повестка развития*. Сегодня «повестка развития» (активный экономический рост, сопряженный с амортизацией социально-имущественных диспаритетов и увеличением занятости для экономически активного населения) стала центральным направлением политики Соединенных Штатов (как, впрочем, и других стран, больших и малых). Новая парадигма развития включает в себя следующие ориентиры: реиндустриализацию хозяйства, в т. ч. за счет «репатриации» промышленного производства; программы (с активным участием государства) подготовки и переподготовки квалифицированной рабочей силы; стимулирующие меры *индикативного* характера для национальных индустриальных укладов, имеющие целью повышение их конкурентоспособности в условиях обостряющегося соперничества за рынки сбы-

та; повсеместно усиливающийся протекционизм, защищающий национальное предпринимательство; приоритетное финансирование *авангардных* отраслей народного хозяйства и поддерживающих их НИОКР и т. п.

Появление на политической авансцене Дональда Трампа и подобных 45-му президенту США фигур не кажется случайным. Видимо, тенденции, вынесшие на поверхность тех, кого все чаще называют *новыми популистами*, начали формироваться далеко не вчера. Да и сам феномен Д. Трампа как косвенная реакция на «цифровизацию» и «депатриацию» американской экономики состоит в том, чтобы, употребляя стилистику времен Ф.Д. Рузвельта, «спасать капитализм от капиталистов». Речь идет (а Америка выступает пионером данного тренда) о реорганизации хаотично развивающихся экономических процессов, о восстановлении *динамического равновесия* между принципами этатистского дирижизма и рыночной спонтанности, т. е. о выстраивании необходимой обществу модели отношений, сопрягающей государственную интервенцию и частную инициативу. В прошлом подобную модель было принято именовать государственно-монополистическим капитализмом (ГМК). Новая общественная реальность активно вторгается в сферу политических отношений, в частности в развитие идеологических течений.

Популизм: социальные истоки, сущностные характеристики, политические функции

Обычно под *популизмом* понимаются идейные установки и социальная практика, ориентированные на привлечение в политику широких слоев народа «поверх» классовых и профессиональных барьеров. Популизм, как

показывает история, апеллирует к избирателям (в условиях политических систем *открытого* типа) как к недифференцированной социальной массе, акцентируя защиту интересов «простого человека» и выступая от имени «всего народа». Советский исследователь-востоковед Н.И. Калашников (1946–2002), характеризуя *стадиальные* типы популизма, выделял два основных подвида данного явления: 1) «традиционный (т. е. до- и раннеиндустриальный) популизм» (в этот подвид популизма включалась и деятельность бывших функционеров коммунистических партий стран Восточной Европы, ставших под влиянием благоприятной политической конъюнктуры «глашатаями демократии») и 2) «популизм политической культуры», связывая этот феномен с развитием индустриального способа производства и с деятельностью таких выдающихся личностей, как Франклин Делано Рузвельт (1882–1945). Очевидно, что *популизм политической культуры* не мог возникнуть, прежде чем развитие индустриального капитализма не достигло известной стадии зрелости, а политика не превратилась в наиболее массовое общественное явление современности.

Социальными истоками и, одновременно, условиями возникновения популизма были резкое обострение кризисных явлений в воспроизводстве общества и его хозяйственной системы при переходе социума на новый, более высокий уровень равновесия, переходе, требовавшем изменения/модернизации всей системы экономических и политических институтов. Более конкретными причинами возникновения

популизма принято считать «тяжелое социально-экономическое положение широких слоев населения» и «непрозрачность политических институтов», тогда как опорными идеями популизма были и остаются «социальная справедливость», «расширение участия народа в управлении»¹, недоверие к властвующей элите, критика неэффективности управления и коррупции в высших эшелонах власти [Популизм б/г]. Сам термин *популизм*, как полагают специалисты, возник в 1890-е гг. в США в связи с деятельностью Популистской (Народной) партии.

Собственно, «социальный заказ» на популизм формируется под воздействием растущей экономико-имущественной *поляризации* американского общества (хотя и не исчерпывается данным обстоятельством). Так, по расчетам экономистов, доля национального богатства, сосредоточенная в руках 0,1% населения США, возросла с 10% в 1980 г. до более чем 20% в настоящее время. Для американского обывателя малозначим факт перераспределения ролей внутри списка-400 от журнала Forbes, а важен результат: процесс концентрации национального богатства в Америке энергично продолжается [Lord 2019].

Феномен популизма, полагает П. Таггарт из Сассекского университета, отличается от идейных течений и движений, которые самостоятельно «формируют партии, создают программы, осуществляют определенную политику и таким образом ведут относительно устойчивую, упорядоченную политическую жизнь». «Популистские движения, – продолжает автор, – имеют свои системы верова-

¹ Вступая в должность, 45-й президент США Д. Трамп заявил, что с его инаугурацией в Америке «власть переходит к народу». Своего предшественника, Б. Обаму, Д. Трамп неизменно называет «слабаком», подчеркивая тем самым отсутствие у последнего опыта управления экономикой.

ний, однако последние аморфны; эти движения [ввиду их внутренней рыхлости] трудно контролировать, организовывать и направлять в нужное русло; их деятельности недостает логики и последовательности, тогда как политическая активность этих формирований знает приливы и отливы, случающиеся с обескураживающей частотой» [Taggart 2002, pp. 1–2]. Популизм как политическая идеология, таким образом, не имеет базовых, не подверженных коррозии ценностей и, подобно «хамелеону», способен приобретать новый окрас в зависимости от смены политических ситуаций. Генетически враждебный к политическим партиям и олицетворяющим их деятельность «традиционным» элитам, популизм защищает простоту (т. е. непосредственность) общения лидеров с народом и прямые действия, которые одновременно выступают инструментом массовой мобилизации населения.

Идейная «пластичность» популизма позволяет этому течению легко заимствовать и обращать себе на пользу такие общесоциальные ценности, как равенство возможностей, общественная справедливость, свобода самовыражения и т. п. Популизм оказывается особо востребованным в периоды *межстадиального* перехода, вызывающие ощущение утраты жизненных ориентиров, «мировоззренческой растерянности» (Алексий II) у массовых групп населения. Свообразным выходом накопленной отрицательной социальной энергии становится недоверие к «официальным» идеологическим установкам, политическим институтам и практикам, наконец, к

олицетворяющим эти ценности правящим и господствующим группам (ПГГ) (М.А. Чешков), манипулирующим поведением массовых слоев населения. Кризис институтов и «анти-социальное» поведение элит порождают упование на «сильных» лидеров, способных вернуть «заблудившееся» общество к *естественным* человеческим связям и «справедливой» жизни². В этой своей обличительной ипостаси популизм несет *антисистемный* заряд, требуя от ПГГ абсорбции протеста и его адаптации институтами существующей политической системы, пусть даже за счет более или менее существенной модификации последних.

Успешная реализация стратегии Ф.Д. Рузвельта по модернизации и «очеловечиванию» американского капитализма, в результате осуществления которой возникло *общество среднего класса* (не расположенное к экономическим экспериментам как правого, так и левого свойства), казалось бы, окончательно вытеснила популизм из политического дискурса Америки, оставив последний уделом исключительно развивающихся стран / переходных обществ, проходящих через «чистилище» модернизации. Популизм в этом случае рассматривался как «функция» процесса развития в направлении создания «современного» (т. е. индустриального) общества [Di Tella 1997, pp. 187–200]. Однако подобный подход не предполагал, что развитие США и других промышленно развитых стран может сойти с рельсов накатанной десятилетиями траектории и что придется вносить существенные коррективы как в модель *поляризованного* развития (сформиро-

2 Установка на «романтизацию» прошлого характерна и для американского популизма конца XIX – начала XX вв., и для русского народничества, и для латиноамериканских проектов рационального обустройства общества середины XX в. («популизм развития»).

вавшуюся в 1980–2010-е гг.), так и в кодекс поведения правящих элит (точнее, ППГ), обнаруживший разрушительные для всей системы капитализма элементы после самоликвидации Советского Союза. А тем временем, уверен известный американский экономист Р. Рейч (Robert Reich), «значительная часть американского электората, усердно работающая, но не чувствующая уплотнения своих кошельков, наполняется гневом и разочарованием, становясь движущей силой националистического протеста, обращенного против доминирующего истеблишмента, а равно и против таких удобных объектов ненависти, как иммигранты. Политэкономические системы, питающие своими ресурсами незначительное меньшинство на вершине социальной пирамиды, изначально внутренне уязвимы» [Reich 2016, p. xiv].

Позицию экономиста Р. Рейча конкретизирует австралийский политолог П. Кенни (Paul D. Kenny): успех популистов, помимо прочих обстоятельств, логично связывать с отказом избирателей в доверии *традиционным* (т. е. вписанным в систему господствующих политических отношений) партиям и движениям, главная функция которых – связывать избирателей с институтами власти. Разумеется, признает П. Кенни, традиционные партии утрачивают свое влияние в обществе ввиду объективных причин, как то: фискальные кризисы, приобретающие остродраматические формы социально-политических конфликтов, коррупции в среде ППГ, «миграционные стрессы» и т. п. Однако австралийский автор подытоживает сказанное: «Подобные сейсмические сдвиги, или перегруппировки [социально-политических] сил, меняющие политический ландшафт, все чаще связывают с глубоким кризисом системы представительного правления», который определяется специалистами как

«накапливание внутри общества требований социального характера, на которые не может адекватно реагировать сложившаяся система институтов и отношений» [Kenny 2017, pp. 8–9].

Наконец, популизм в США рассматривается со стороны его *инструментальной* функции; леворадикальные авторы рассматривают это течение как *антитезу* либерализму, удивившемуся в Америке благодаря «новому курсу» Ф.Д. Рузвельта. «Новый курс», согласно представлениям леворадикальных критиков, имел следствием появление своего рода «нового класса» хорошо образованных, профессионально подготовленных и полагающихся на «бюрократические» методы управления элит, которые использовали в своих интересах «технократические инструменты» интервенционистского государства (ГМК), тем самым подорвав позиции слоев и групп, составлявших массовую социальную основу «детища» Ф.Д. Рузвельта – *общества среднего класса*. В этом историческом контексте популизм рассматривается как сила, способная возродить политику на уровне grassroots (т. е. у самых оснований социальной пирамиды) и обеспечить «ответственное» участие граждан в политическом процессе. Понятно, что в этой «схеме» популизм рассматривается как *политический проект*, способный вернуть американцам веру в свои возможности [Taggart 2002, p. 21]. Косвенным подтверждением вышеприведенного мнения может служить электоральный успех не только Д. Трампа, но и таких политиков, как Г. Вилдерс (Голландия) и М. Ле Пен (Франция). Эти успехи, помимо прочего, свидетельствуют о том, что сложившиеся в послевоенный период отношения между партиями и избирателями, в частности, препятствовавшие политическому самоутверждению популистов, начали активно разрушаться.

«Историческая» Америка: традиционный популизм и популизм политической культуры

Популизм, видимо, является *побочным* продуктом политической системы США в ее партийном измерении. Рассуждая ретроспективно, мы можем предположить: популизм на различных этапах развития Америки выполнял функцию своеобразного «чистильщика», время от времени освобождая двухпартийную систему от накапливавшихся в ней «дисфункций», способных при отсутствии надлежащей корректировки парализовать и политический, и экономический механизм США. Подобные «дисфункции» возникают тогда, когда двухпартийная система в лице республиканцев и демократов обнаруживает неспособность интегрировать в пространство своего влияния массовидные группы американцев (различной этно-расовой и социально-профессиональной принадлежности), которые начинают искать выход в «третьей силе», способной прямо либо *косвенно* (т. е. посредством воздействия на двухпартийный «агрегат») отстаивать их интересы перед государственной властью. Такой «третьей силой» в сознании избирателей стал популизм.

Популистское движение 1880–1890-х гг., давшее рождение Народной партии, воплощало в себе социальные запросы и чаяния, а равно и фрустрацию и ожидания массовых слоев населения Америки, на которые не могли (или не желали) реагировать две основные партии. Более того, популисты предложили (а затем ее использовали) модель политической мобилиза-

ции снизу, аккумулировавшую радикальные перемены в американском обществе, уже назревшие и исключаящие революции и насилие. Народная партия, по мнению М. Казина (M. Kazin), черпала свои идеи из глубоко укоренившегося в американском обществе *антиэлитизма*, сопряженного с модернизированными установками Реформации и Просвещения. Популизм как нравственный вызов «традиционным» партиям и политическому истеблишменту позволял американскому правящему классу фиксировать очевидные вызовы существующему порядку вещей, абсорбировать их силами политической системы и тем самым отводить угрозы фундаментальным основам существующего в США общества [Kazin 1995]. Несомненна связь идейных установок популизма 1880–1890-х гг. с требованиями американских рабочих против концентрации богатства у корпораций и репрессивных действий государства в отношении отстаивающих свои права³. «Мы имеем дело с думающим и читающим народом, – констатировал в 1894 г. один из видных деятелей демократической партии (так в тексте – А.В.) – ...и народ сейчас мыслит намного свободнее, чем когда-либо раньше» (цит. по: [История США. Т. 2, с. 116]).

Как и любое идейное течение, американский популизм претерпевал внутреннюю эволюцию, значительное влияние на которую оказала холодная война: антикоммунистическая «охота на ведьм» под патронажем сенатора Дж. Маккарти, «обогащенная» расистскими идейными установками Дж. Уоллеса, в конечном счете трансформировалась в *правый популизм*, олицетворением которого стали президенты

3 Трудно отрицать историческую связь установок раннего популизма и идейной программы «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, в создании «общества среднего класса» видевшего альтернативу классовой борьбе, а равно – крайностям как правого, так и левого свойства.

Р. Никсон и Р. Рейган. Впрочем, П. Таггарт полагает, что популизм в США «вездесущ» и что побеги этого идейного течения можно найти практически во всех сегментах американской политической жизни. Причины стойкого сохранения популистских представлений многообразны: это (первоначально) диспаратеты развития между урбанизированным Севером и по преимуществу аграрным Югом, между обилием финансовых ресурсов у первого и их явным недостатком у второго, что в итоге воспроизводило популистскую идеологию как духовно-интеллектуальный «инструмент» преодоления вопиющих экономических и социально-имущественных контрастов между двумя основными историческими макрорегионами страны: «Популистское движение изначально было [исключительно] южным феноменом; однако его будущее было напрямую связано со способностью этого течения распространить свое влияние на штаты Запада» [Taggart 2002, pp. 27, 29].

Идейное и политико-организационное наследие Народной (Популистской) партии соединяло в себе *два* начала.

1. Популизм заявил о себе как о *независимой* силе по отношению к сложившейся двухпартийной системе и де-факто стал ключевым элементом последующей перегруппировки сил в американском обществе и содержательного (т. е. наполненного новыми идеями и подходами) реформирования, казавшее бы, застывшего двухпартийного пространства [Burnham 1970]. Кульминацией этого реформирования стал «новый курс» Ф.Д. Рузвельта, давший рождение новым социально-политическим коалициям и идеологическим ориентирам. Таким образом, популизм стал провозвестником грядущих перемен в американском обществе, непрямым образом помог и

социуму, и двухпартийной системе переместиться на более высокий уровень равновесия.

2. Популизм придал новый тонус американской политической жизни, не нарушив при этом доминирующую парадигму политической культуры и политического сознания, категорически предпочитавшую всякой революционной деятельности практику социальных, пусть даже радикальных, реформ. И тогда, и в будущем американское общество показывало, что оно оказывается как минимум на шаг впереди революций, действенным субститутотом которой выступают стратегия и тактика потребных обществу политических и экономических реформ.

Политика (причем не только в Америке) – это поле соревнования программ и личностей. Колоритной личностью был, несомненно, Х. Лонг (1893–1935). Его успешной политической деятельности на попроще популизма в немалой степени способствовала Великая депрессия. Х. Лонг возглавлял массовое движение популистского характера против политики «нового курса». Первоначально политик пытался развивать свои идеи на платформе Демократической партии США. Х. Лонг активно выступал против концентрации богатства у узкой группы лиц, резко порицал социальное неравенство, которое, в частности, проявлялось в «несправедливой» системе образования. Правда, его социально-экономическая программа отличалась расплывчатостью: жесткий прогрессивный налог и распределительная политика в пользу беднейших слоев населения родной Луизианы не сопровождались конкретной программой долгосрочных экономических преобразований. Х. Лонгу не удалось сформировать широкую, включающую различные слои и группы социально-политическую коалицию, способную если не бросить вызов тогдашней политиче-

ской системе, то хотя бы повлиять на эволюцию двухпартийной системы за пределами Луизианы [Hair 1991]. Незаурядная личность, Х. Лонг черпал свои идеи из Библии и не придавал серьезного значения работам американских специалистов по экономике [Hair 1991, p. 271].

Феномен Х. Лонга в конечном счете стал важным фактором политической жизни потому, что «либерально-реформистский курс правительства [Ф.Д.] Рузвельта не давал немедленных и ощутимых результатов», тогда как «массы людей были восприимчивы к разного рода программам быстрого и радикального оздоровления общества, подкрепленным изрядной долей антимонополистической риторики. <...> Программа Лонга⁴, как справедливо заметил один из его биографов, несомненно, испортила кровь не одному миллионеру, но она оказалась совершенно непригодной, чтобы излечить систему и искоренить зло» [История США. Т. 3, с. 236, 237]. Доверие избирателей было использовано Лонгом для создания в Луизиане режима личной власти, который позволял контролировать легислатуру штата, административный аппарат, университет и систему среднего образования. Бурную популистскую деятельность Лонга в 1935 г. насильственно завершило убийство сенатора от Луизианы.

Утрата американским популизмом столь яркого лидера на время вытеснила это идейное течение на «периферию» политической жизни США, тем более что программа «нового курса» интегрировала в свою политику некоторые важные требования Х. Лонга. Да и сам Ф.Д. Рузвельт внимательно на-

блюдал за деятельностью своих политических оппонентов, не стесняясь заимствовать у последних идеи, не противоречившие здравому смыслу. *Популизм политической культуры*, или *популизм развития* (как впоследствии нарекли данный феномен в Латинской Америке 1970-х гг.), был, как представляется, рациональной реакцией правящих кругов на усложнение внутренней организации капитализма и на неспособность «свободной игры рыночных сил» спонтанно поддерживать социальное равновесие в обществе. История учит, писал в середине 1990-х гг. известный американский экономист и социолог Л. Туроу, что идеи типа «выживает сильнейший» в отношении капитализма нежизнеспособны. «Экономики свободного рынка, существовавшие в 1920-е гг., взорвались во время Великой депрессии и должны были восстанавливаться силой государственной власти. <...> Также неплохо помнить, что государство всеобщего благосостояния возводилось не сумасбродами – леваками. Его повивальными бабками почти всегда выступали просвещенные аристократы-консерваторы (Бисмарк, Черчилль, Рузвельт), воспринимавшие политику социального благосостояния как средство спасения, но не разрушения капитализма, формой которой была защита среднего класса» [Thurow 1996, p. 250].

Популизм политической культуры, «спасая капитализм от капиталистов», был вынужден действовать от имени общества и в интересах широких слоев общества. Важным социальным инструментом успешности политики «нового курса» было создание

4 Требования Х. Лонга включали в себя прожиточный минимум 5 тыс. долларов в год на семью, предоставление «первичных» жизненных благ (крыши над головой, автомобиля, радиоприемника), закупку федеральным правительством излишков агропродукции, всеобщее образование в объеме колледжа, массивное строительство дорог и т. п. Видимо, сам Х. Лонг в осуществимость своей популистской программы верил слабо, уповав исключительно на *политический* выигрыш.

под эгидой Демократической партии движения, т. е. широкой коалиции заинтересованных в оздоровлении американского общества сил, включавшей в себя горожан различной этнической принадлежности, объединенных в профсоюзы рабочих, белых жителей южных штатов, значительное число избирателей в штатах Запада, католиков, евреев и т. д. Эта «популистская» (т. е. ориентированная на решение *общесоциальных* задач) коалиция позволила Ф.Д. Рузвельту и его сторонникам одержать решительную победу: число мест в Палате представителей у демократов увеличилось с 37,7% в 1929 г. до 72% в 1933 г.; в Сенате успех был не менее впечатляющим – с 40,6% в 1929 г. число мест увеличилось до 61,5% в 1933 г. [Reich 2016, pp. 189–190]. Позволиительно предположить, что: 1) *системный* кризис американского капитализма значительно расширил *социальное* пространство политического участия и 2) популизм, апеллируя к избирателям как к *недифференцированной* массе, стал эффективным средством политической мобилизации и, тем самым, укрепления системы политических институтов.

Сама логика политической борьбы заставляла Ф.Д. Рузвельта и его единомышленников совершенствовать приемы общения с избирателями. Надежной лоцией диалога власти и народа оставался популизм. Накануне президентских выборов 1936 г. большой бизнес и Уолл-Стрит (финансовая элита) подвержали Ф.Д. Рузвельта и его сподвижников («ньюдилеров») бескомпромиссной критике. По отношению к хулителям президент занял позицию «громовержца». Выступая на предвыборном митинге в нью-йоркском «Мэдисон Сквер Гарден», Ф.Д. Рузвельт, помимо прочего, сказал: «Никогда прежде в нашей истории эти силы не были столь едино-

душно настроены против одного кандидата, как сейчас. Они едины в своей ненависти по отношению ко мне – и мне льстит их ненависть» [Reich 2016, p. 160]. Впрочем, единство в ненависти не было абсолютным. Хотя бы потому, что время было суровым. Расстановка сил внутри господствующих классов США была в свое время исчерпывающе описана крупным советским историком-американистом Н.В. Сивачевым: «Крупному капиталу в это время как никогда нужно было энергичное правительство, способное остановить дальнейший спад, вдохнуть силы в капиталистическую систему, не допустить развития массовых движений протеста по революционному пути. Сами лидеры делового мира без помощи государства уже не надеялись на выдвижение таких планов, которые бы нашли общественную поддержку» [История США. Т. 3, с. 214].

Великая депрессия (и сформировавшийся как ее следствие «новый курс») стала «режиссером» социализации массовых слоев населения, ранее бывших отстраненными от реального политического процесса, в силу их недостаточной профессиональной, культурной и территориальной *самоорганизации*. Политические институты США под воздействием экономического кризиса и массового недовольства пережили упадок, но затем благодаря «живительной» силе популизма, воссоединившего власть и массы, сохранили свои позиции в общественной жизни, достигнув нового, более высокого уровня равновесия с социумом. В системе связи «власть – массы» значительная роль принадлежала сильному, перспективно мыслящему и уверенному в своих возможностях руководителю. «Человеческая природа такова, – полагает французский культуролог К. Карпентье де Гурдон, – что люди активнее реагиру-

ют на личные качества руководителей и на достигнутые ими результаты, чем на характер институтов и теоретические достоинства, которые они лелеют» [Carpentier de Courdon 2019]. Атмосферу ожидания положительных изменений в американском обществе выразительно передал Н.В. Сивачев: «Ф. Рузвельт к 4 марта 1933 г. (дню инаугурации – А.В.) уже рассматривался американцами как человек действия, готовый к вторжению государственной власти в те сферы, которые издавна считались заповедным полем частной инициативы и частного предпринимательства. Его ждали в столице как мессию, призванного избавить страну от царивших в течение долгих лет невзгод. Народ хотел видеть нового президента человеком уверенным, оптимистичным и энергичным» [История США. Т. 3, с. 215]. Фраза Ф. Рузвельта «...единственно, перед чем мы должны испытывать страх, – это сам страх» сразу стала классикой американской риторики [там же].

Новый курс Ф. Рузвельта, таким образом, абсорбировал в политическую систему США новые массовые (прежде инертные) слои и группы, с одной стороны, и продемонстрировал инструментальную силу популизма по обновлению и партийной системы, и отношений между гражданским обществом и властью – с другой. Впоследствии, особенно в трудные для Америки времена, ПГГ активно использовали популистский инструментарий для сохранения своих позиций в обществе.

Популизм политической культуры имел по крайней мере три долгосрочных последствия для общественной жизни Америки.

1. Популизм стал неизменным, идейным и организационным, спутником процессов перегруппировки социально-политических сил в американском обществе на основе существую-

щих в США партий. После 1933 г. в политической жизни значительно усилились позиции Демократической партии, продемонстрировавшей способность создавать широкие полисоциальные коалиции-движения. Тем самым политическая система США показала свою пластичность, умение адаптироваться к сложным общественным процессам и явлениям.

2. Логическим результатом «нового курса» стало последующее появление в Америке общества среднего класса, «популистской» антитезы классовой борьбе и политическим крайностям как правого, так и левого свойства. В послевоенный период данная социально-экономическая модель стала своего рода политическим ориентиром для остального мира, особенно для стран, освободившихся от колониальной зависимости.

3. «Новый курс» сформировал, хотя и не сразу, положительную инерцию экономического роста и развития, которая (в т. ч. под влиянием Второй мировой войны) превратила Америку в центральную силу/субъект глобальной геополитики.

Складывалось впечатление: если когда-нибудь в будущем и возникнет «популистский» вызов американскому обществу, то он придет с периферии политической системы.

«Новый курс», повторим, создал своего рода положительную инерцию движения американского общества вперед, и этот опыт имел, как представляется, универсальное значение. Опыт этот включал в себя и стимулирование экономического роста, и меры по социальной защите и реабилитации населения, и модернизацию социально-экономической структуры с вовлечением подавляющей части населения в этот трансформационный процесс. Как пронизательно подметил видный голландский социолог

А. де Сван, такая политика представляла собой *применение коллективистских методов для достижения индивидуалистических целей* [de Swaan 1988, р. 245]. Однако интеграция новых (ранее инертных) социально-профессиональных, региональных и этно-расовых групп спустя несколько десятилетий имела следствием их *политическое самоутверждение* (как естественный побочный продукт адаптации и социализации⁵), что породило новые противоречия в американском обществе. На сей раз «яблоком раздора» стала проблема афроамериканцев.

«Расовый кризис», ставший следствием внутренних миграционных процессов 1940–1960-х гг., создал неблагоприятную социальную ситуацию не только для афроамериканцев, но и для миллионов их белых соотечественников. Сами миграционные процессы, «придавшие негритянской проблеме характер общенациональный <...>, подъем движения черных и реакция на это движение государства вызывали в определенных группах белых подъем реакционно-бунтарских настроений». Появление значительных масс афроамериканцев в городах Юга и Севера, расширение и уплотнение среды межрасового бытового общения воспринималось белыми обывателями «как соприкосновение с “некультурным” слоем – более бедным, менее образованным, более склонным <...> к нарушению устоявшихся норм и законов. Примерно так же в конце XIX – начале XX веков американцы англосаксонского происхождения воспринимали “вторжение” в их мир иммигрантской бедноты из Европы – ирландцев, поляков, итальянцев и др.»

[Современное политическое сознание в США 1980, с. 237–238]. Известно, что боязнь раствориться среди «простолыдинов», опасение утраты добытого трудом и усердием социального статуса всегда питали в Америке консервативно-охранительные настроения и были мощным стимулом к подъему ксенофобии и возникновению праворадикальных движений. Не стал исключением и «расовый кризис».

Однако детонатором «расового кризиса» стала активизация борьбы афроамериканцев за свои гражданские и политические права, чему немало способствовала американская политическая система *открытого* типа. В своей кульминационной точке «расовый кризис» трансформировался в движение, целью которого стало изменение соотношения политических сил в стране (конец 1960-х – начало 1970-х гг.). Катализатором процесса формирования правопопулистского сознания стала кампания по избранию губернатора штата Алабама Дж. Уоллеса в президенты США 1968 г. Решающую роль в становлении правого популизма сыграли штаты Глубокого Юга, в годы Гражданской войны (1861–1865) образовавшие основу рабовладельческой конфедерации⁶. Именно на Глубоком Юге в 1950-х гг. начинался «расовый кризис»; до середины 1960-х гг. этот кризис проявлялся в остродраматических формах. В политической жизни Глубокого Юга издавна развиты традиции правого радикализма (ку-клукс-клан, Х. Лонг, многочисленные политики местного масштаба и т. д.). Движение Джорджа Уоллеса, опиравшегося на поддержку Американской независимой партии,

5 Сходные процессы сегодня можно наблюдать в «крупнейшей демократии мира», в Индии, где политическая мобилизация «низов» традиционного сословно-иерархического общества (низшие касты и даже «неприкасаемые») стала самостоятельным фактором общественной жизни.

6 В первую очередь это штаты Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи и Южная Каролина.

стало очередным этапом в эволюции праворадикальной традиции.

Избранный в 1963 г. губернатором штата Алабама, Дж. Уоллес «культивировал образ человека из народа. Он носил недорогие костюмы, гладко зачесывал волосы назад, признавался в пристрастии к музыке стиля «кантри» и использовал кетчуп в качестве приправы к любому блюду» [Kazin 1995, p. 235]. Первоначально Дж. Уоллес был демократом. Однако впоследствии почувствовал, что эта партия превратилась в «инструмент влияния либерального истеблишмента Востока», и выступал на президентских выборах 1968 г. в качестве независимого кандидата, заручившись поддержкой 13,5% проголосовавших избирателей и одержав победу в пяти штатах Юга [Taggart 2002, p. 40]. (Это были штаты Арканзас, Луизиана, Миссисипи, Алабама, Джорджия.) Общее количество голосов, поданных за Дж. Уоллеса, превысило 9 млн.

Идеологическая конструкция Дж. Уоллеса имела три основания: 1) бескомпромиссная поддержка расовой сегрегации, четко и недвусмысленно выраженная в политических установках; 2) недоверие к «истеблишменту», образуемому триединством либеральной политической элиты, крупного финансового капитала и весьма аморфной категории «богатеев»; явно не жаловал Дж. Уоллес «бюрократов», «теоретиков» и «псевдоинтеллектуалов»; 3) защита интересов тех, кто не входит в сферу влияния «истеблишмента». Легко догадаться: политик имел в виду перераспределение полномочий между федеральной властью и штатами; разумеется, в пользу последних. Ясно, что Дж. Уоллеса не устраивали перемены (капиталистическая модернизация Юга), поскольку они подрывали основы тех социальных связей, которые удерживали равнове-

сие строя жизни «белой, сельской, богобоязненной Алабамы» [Taggart 2002, p. 41].

После столь успешного политического дебюта Дж. Уоллес, не без поддержки некогда «родной» Демократической партии, в 1970 г. был избран губернатором Алабамы. Демократы, сознавая роль Дж. Уоллеса и в других штатах Глубокого Юга, постарались вновь интегрировать влиятельного политика в пространство деятельности этой партии. В 1972 г. Дж. Уоллес в качестве представителя правопопулистских сил участвовал в первичных выборах Демократической партии, однако потерпел неудачу. В качестве губернатора Алабамы Дж. Уоллес, видимо, пересмотрел некоторые свои представления о «расовой проблеме», а в 1982 г. политик-популист публично принес извинения афроамериканцам за свои действия по отношению к ним в прошлом [Leshner 1994, p. 501].

Популизм Дж. Уоллеса оставил свой след в американской политической жизни, видоизменив траекторию ее эволюции. Во-первых, идея гражданских прав (в их узком и широком понимании) была институционализована в решениях основных ветвей власти – исполнительной, законодательной и судебной, тем самым уменьшена вероятность нового социального раскола в американском обществе. Во-вторых, Р. Никсон, Дж. Картер и Р. Рейган осознали и оценили потенциал умеренного популизма как тактики эффективной борьбы за Белый дом. Р. Никсон использовал популистские приемы в общении с избирателями, компенсируя тем самым враждебность к его фигуре как основных СМИ, так и «аристократического» истеблишмента Востока. «Символический популизм» Дж. Картера преследовал цель восстановить престиж президентской власти, изрядно подорванный внешними неудачами

и внутренними неурядицами⁷. Р. Рейган всячески подчеркивал свой *антиинтеллектуализм* и желание руководствоваться принципами «доброго старого здравого смысла». Так популизм стал органической частью борьбы за президентскую власть в США.

Новый всплеск *несанкционированного* популизма не заставил себя ждать. В президентской кампании 1992 г. в качестве независимого кандидата выступил бизнесмен, филантроп и искренний консерватор Росс Перо. Росс Перо (род. в 1930 г.), отслужив в ВМС США, в 1962 г. основал компанию Electronic Data Systems (электронная обработка информации). В 1984 г. компания «Дженерал Моторс» приобрела контрольный пакет Electronic Data Systems за 2,4 млрд долларов. В 1988 г. Р. Перо основал новую компанию Perot Systems, а вскоре вступил в тесные деловые отношения со С. Джобсом, родоначальником компании Apple. Иными словами, Р. Перо стал первым (политическую деятельность начал в президентскую легислатуру Дж. Буша-старшего), пришедшим в большую политику не просто из сферы производства, но из ее «авангардного» кластера, сегмента информационных технологий. Р. Перо активно выступал против действий США в Персидском заливе, предлагая правящему истеблишменту сосредоточить внимание на внутренних проблемах Америки. Не менее критично миллиардер (личное состояние на 2019 г. превышало 4 млрд долларов) отнесся и к ратификации соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли (NAFTA).

В 1992 г. Р. Перо объявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру

на президентских выборах, выступив, в частности, против «исхода» производств из Соединенных Штатов. В июне 1992 г., по данным опроса Gallup, Р. Перо возглавил потенциальный президентский список, опередив и действовавшего президента Дж. Буша-старшего, и наиболее вероятного кандидата от Демократической партии У. Клинтона. Неожиданно в июле Р. Перо вышел из «президентской гонки», а затем столь же поспешно вернулся в нее в октябре 1992 г. На президентских выборах 1992 г. Р. Перо заручился поддержкой 18,9% избирателей, получив голоса практически во всех сегментах идеологического и партийного спектра, однако наиболее весомый «блок» его избирателей составили «независимые» и «умеренные». На президентских выборах 1996 г., уже в качестве лидера Партии реформ, Р. Перо получил 8,4% голосов избирателей.

Появление нового популистского вызова двухпартийной системе Америки указывало на как минимум две болевые точки, остававшиеся «ахиллесовой пятой» официальной жизни США. Во-первых, Р. Перо критиковал американский истеблишмент (пожалуй, впервые) с позиций *рационального* (или, если воспользоваться стилистикой М. Вебера, «целерационального») управления обществом. Так, Р. Перо обращал внимание на опасности увеличивавшегося (к тому же и так значительного) государственного долга Америки и выступал за разработку действенного механизма его уменьшения. Р. Перо апеллировал к здоровому смыслу американцев (в категориях политической экономии – к жизнеспособности домохозяйств), подчеркивая: эта

7 В день инаугурации Картер отказался от положенного ритуалом лимузина и пешком прошел путь от Капитолия до Белого дома. Президент-популист время от времени беседовал по телефону с рядовыми американцами и посещал их дома. Словом, «аутсайдер» прибыл в Вашингтон с намерением ослабить позиции могущественного истеблишмента в государственном аппарате [История США. Т. 4, с. 468–481].

серьезнейшая проблема *намеренно* игнорируется профессиональными политиками. Во-вторых, вступление Р. Перо в «президентскую гонку» косвенно указывало на массовое недовольство американцев традиционной/существующей политической элитой, способной разве что произносить яркие речи, но абсолютно бесполезной в организации жизни народа. Поэтому логичным выглядел его призыв к американскому истеблишменту уменьшить международные обязательства США, а также законодательно ограничить сроки пребывания на значимых позициях в государственном аппарате. Р. Перо стал, таким образом, своеобразным «аккумулятором» антиэлитных настроений, однако, в отличие от предшественников-популистов (в частности, Дж. Уоллеса), программа Р. Перо имела *конкретный* характер.

Неожиданный уход и скорое возвращение в борьбу за Белый дом, о чем уже говорилось, лишний раз показали неохоту Р. Перо интегрироваться в существующую элиту, с одной стороны, и неизбежность участия в «президентской гонке» человека «со стороны» ввиду очевидной неадекватности правящего класса при решении постоянно усложнявшихся проблем Америки – с другой. Реакция американцев на появление нового, не связанного с элитой, разумно мыслящего кандидата была положительной: за Р. Перо проголосовали 20 млн избирателей.

Выборы 1992 г. показали: идеи популизма и его инстинктивное неприятие официальных институтов и управляющих ими элит находят благодатную почву в американском обществе. Обращение к «очистительной» функции популизма на выборах 1992 г., видимо, указывало на вызревание предпосылок нового явления в американской (и не только) политике, впоследствии нареченного «новым популизмом», тогда

как Р. Перо по праву стал его идейным и логическим «предтечей».

«Левый» и «правый» популизм: основные параметры и подвижность идейных образов

Под *правым популизмом* принято понимать социальный протест отдельных групп средних слоев и рабочего класса, принимающий праворадикальную форму. Правый популизм выступает как комплекс реакций индивидов и групп на события и процессы, ущемляющие их ситуационные/непосредственные интересы. Правый популизм «реактивен», поэтому он не является воплощением определенной политической идеологии. Наиболее организованной формой правопопулистского действия остается «протестное» голосование за Дж. Уоллеса на президентских выборах 1968 г. Впоследствии партийно-политическая система фактически «растворила» в себе и движение, и самого Дж. Уоллеса, продемонстрировав тем самым отсутствие у правых популистов позитивной программы, альтернативной идеям республиканцев и демократов. Популизм, в т. ч. правый, обладает способностью противопоставить себя существующей двухпартийной системе и обслуживающей ее политической элите. Можно сказать, популизм (включая движение Дж. Уоллеса) указывал на «узкие места» политической системы, и наиболее дальновидные американские политики использовали подобные «атаки»; говоря обобщенно, делалось это для повышения социальной отзывчивости ведущих партий, увеличения пластичности всей партийно-политической системы. Пожалуй, политическую систему США сегодня невозможно представить без популизма, время от времени очищающего (пусть и непрямым образом) «ав-

гиевы конюшни» американской общественной жизни.

Левый популизм, как представляется, выступает особым течением в Демократической партии, «социалистическое» крыло которой активно стремится удалить из институтов власти «задержавшихся» в истеблишменте «умеренных» деятелей (Н. Пелоси, Дж. Байдена, Х. Клинтон и др.), которые мешают «молодежи» (и примкнувшему к ней вполне искреннему Б. Сандерсу) овладеть реальными инструментами и механизмами контроля в партии. Левые, думается, используют двуединую тактику борьбы с «заслуженными ветеранами». С одной стороны, существует предположение, согласно которому не имеющая ясных политических перспектив попытка подвергнуть отрешению от должности (импичменту) действующего президента Д. Трампа преследовала цель вызвать внутренний кризис в Демократической партии и отправить на «заслуженный отдых» тех, кто, согласно опросам общественного мнения, начинает тяготить избирателей-демократов. С другой стороны, идейной платформой внутреннего преобразования этой партии мыслится популистская программа «всеобъемлющего» социального прогресса для широких слоев населения, которая, однако, как считают экономисты, не опирается на реалистический анализ возможностей хозяйственной системы страны. Оценивая левопопулистскую программу «социалистического» крыла Демократической партии, эксперты высказывают предположение, что авторы программы могут разделить печальную участь лидера британских лейбористов Дж. Корбина и его партии, на парламентских выборах 2019 г. выдвинувших эмоционально привлекательные идеи, но оказавшихся не в состоянии объяснить избирателям, какими будут методы и формы их реализации. Левый по-

пулизм, таким образом, являясь активной и все возрастающей силой внутри Демократической партии, пока не пользуется массовым спросом на политическом «рынке» американского общества. Тем не менее сами «левые идеи» в условиях политического фиаско неолиберально-глобалистского проекта становятся все более популярными в Америке среди определенной части критически мыслящей молодежи и интеллигенции, традиционно относящейся к политическим институтам США со здоровым скепсисом. Однако данные группы населения пока институционально не объединены в масштабах американского общества. Не исключено, что их социальный протест по крайней мере частично может быть использован Д. Трампом и его «командой», все чаще использующих риторику «нового курса» Ф.Д. Рузвельта (инфраструктурное строительство, повышение оплаты труда рабочих и служащих и, разумеется, борьба против «глубинного государства»).

Постбиполярная глобализация и «социальный заказ» на популистскую идеологию. «Феномен Дональда Трампа»

Само появление Р. Перо на политической авансцене свидетельствовало о том, что, несмотря на «победу» в холодной войне (как впоследствии выяснилось, пиррову), Америка начинает испытывать как внутреннее, так и внешние трудности. *Поляризация* американской модели развития начинала приобретать все более акцентированный характер. «Расширяющееся [социально-имущественное] неравенство, – отмечал Р. Рейч, – оказалось вцементированным в несущие конструкции самого “свободного рынка”». А затем автор риторически вопрошал: «Достаточ-

ны ли существующие стимулы для того, чтобы средний класс и [остающиеся] большинство имели необходимый уровень жизни и, равным образом, надежду на его повышение для своих детей при усердной работе?» [Reich 2016, pp. 83, 86].

По свидетельству Р. Рейча, до конца 1970-х гг. экономика США развивалась поступательно, и это был своеобразный «добродетельный» цикл: рост экономики → расширение социального пространства среднего класса → увеличение платежеспособного спроса → равновесие хозяйства на более высоком уровне → увеличение инвестиций и новый всплеск инноваций, обогащающие и оплодотворяющие средний класс, в который вливаются группы населения, ранее располагавшиеся в нижнем сегменте общественной пирамиды.

Однако в начале 1980-х гг. медиана доходов домохозяйств прекратила восходящее движение (с поправкой на уровень инфляции). В результате развития этих негативных процессов в 2013 г. средневзвешенный годовой доход «типичного» домохозяйства среднего класса составил 51 939 долл. – почти на 4 500 долл. ниже, чем это было перед началом «великой рецессии» 2007 г. Более того, доходы среднего домохозяйства в 2013 г. оказались ниже, чем это было в 1989 г. [Reich 2016, pp. 115–116]. Параллельно происходил процесс «утекания» производств и рабочих мест в Мексику, а затем – в страны Азии. Американские рабочие оказались не защищенными от подобного «аутсорсинга». В сложном положении оказались и специалисты высокой квалификации и с высшим образованием. И все это происходило при очевидном непротивлении администраций США: первоначально Клинтона, затем Буша-младшего, а впоследствии – Обамы. Нарушение «правил игры», в свое время установленных политикой «но-

вого курса», имело следствием резкую поляризацию доходов. Так, с 1979 г. рост производительности труда составил 65%, тогда как доходы трудящихся возросли всего лишь на 8% [Reich 2016, p. 123]. К тому же защитники прав трудящихся в лице профсоюзов оказались в состоянии практического бездействия, не без влияния властей («застрельщиком» ослабления профсоюзов выступила администрация Р. Рейгана). Эти и другие процессы и явления отразились на динамике общественного мнения: согласно опросу Gallup (сентябрь 2014 г.), только 35% американцев полагали, что двухпартийная система эффективно защищает их интересы, тогда как 58% опрошенных считали, что эта задача будет выполнимой в случае появления *третьей* партии [Reich 2016, p. 189]. Таким образом, «новый популизм» как альтернативное политическое течение становился все более востребованным американцами, и эта мысль укреплялась в сознании народа по мере приближения президентских выборов 2016 г.

Ретроспективный взгляд на американскую политическую жизнь показывает: именно Р. Перо стал провозвестником грядущих в обществе перемен. Партия реформ, фактически «выросшая» из президентской кампании Р. Перо в 1992 г., в 2000 г. идейно привлекла Дональда Трампа. Впрочем, последний вскоре ее покинул, сославшись на разногласия с видными общественными деятелями, в частности, с Патриком Бьюкеноном (который в 2002 г. вернулся в Республиканскую партию). Однако важен факт совпадения позиций Р. Перо, Д. Трампа и П. Бьюкена в главном: Америка должна заниматься прежде всего *внутренними* проблемами, всячески воздерживаться от расточительных для народа интервенционистских рецидивов прошлого. Закономерно поэтому, что в 2016 г. Пар-

тия реформ поддержала кандидатуру Д. Трампа, «транслировавшего» некоторые ее центральные идеи (сбалансированный бюджет, ограничение иммиграции, оппозиция NAFTA и ВТО как ущербным интересам Америки организациям и т. п.). Особо отметим: позиции Д. Трампа и Партии реформ совпали по таким ключевым проблемам, как создание новых рабочих мест (возвращение производств домой под девизом *America First*), энергетическая безопасность, внешняя политика (специально подчеркнем принцип «финансовой ответственности»), национальная безопасность.

Поляризованный характер развития Америки наглядно проявился в одном из наиболее успешных городов страны, Нью-Йорке. Несмотря на то, что Нью-Йорк при мэре М. Блумберге процветал, пишет известный американский урбанист Р. Флорида, «значительная часть ньюйоркцев вовсе не ощущала бурного роста. <...> К 2013 г. 5% богатейших семей Манхэттена имели доход, в 88 раз превышающий доход 20% беднейших семей». На вопрос газеты *New York Times* (2013 г.) «стал ли Нью-Йорк слишком дорогим городом для таких, как вы?», 85% опрошенных ответили утвердительно» [Флорида 2018, с. 92–93]. Эти и другие явления однозначно подчеркивали потребность в новой политике, новом идейном ее обосновании и новых лидерах, способных чувствовать пульс нового времени. Таким образом, «новый популизм», вынесший на политический Олимп Д. Трампа, проистекает из глубокого и затяжного кризиса традиционных партий и образуемой их взаимодействием партийно-политической системы, из неспособности укрепившихся у власти элит справиться с вызовами, которые в прямом смысле слова имеют *параметрический* характер: изменения этнодемографического состава населения,

необходимость привлечения в экономику высококвалифицированных кадров, поиски новых рынков сбыта для покрытия колоссального внешнеторгового дефицита США, укрепление *горизонтальных* связей в народном хозяйстве страны, сохранение *европейского* характера американской цивилизации и американского общества. Наконец, очевидное бездействие администраций Клинтона, Буша-младшего и Обамы в «национальной политике» имело следствием углубление центрального противоречия бытия современной Америки: страна переселенцев (с явно выраженным стержнем «северо-атлантической» культуры) быстро превращается в мультикультурное сообщество, которое перестает быть «плавильным котлом», или «сверхцивилизацией» (как называли США некоторые отечественные исследователи начала нынешнего века) с перспективой утраты лидирующих позиций в мире и потери сверхидеи «явного предназначения», которая была своеобразной «люцией», позволявшей американцам с честью выходить из любых внутренних и внешних испытаний.

Цивилизационный кризис, соединившийся с перенапряжением внутренних сил, потребовал нового подхода к внешней политике. Контуры этого подхода начинают прорисовываться, несмотря на отчаянное сопротивление тех (в некоторых работах собирательно именуемых «глубинным государством»), кто стремится сохранить свое положение в политической системе США, отстаивая мирополитические схемы, в силу объективных причин утратившие действенность. Хорошо известно: лишь 20% американцев «встроились» в процессы глобализации. Ответ «нового популизма» (в настоящее время все чаще употребляется термин «национальный популизм») состоял в том, что, выполняя свою «ис-

торическую миссию» (ранее – «явное предначертание»), Америка утратила свою жизнеспособность, поскольку система военно-политических союзов после 1945 г. во многом зиждилась на «открытости» емкого американского внутреннего рынка союзникам США (как в североатлантическом пространстве, так и на Дальнем Востоке), что в конечном счете отрицательно сказалось на американской промышленности, в частности, и на развитии индустриальных производительных сил в принципе. В настоящее время *протекционистские* настроения (т. е. отход от некогда «священных» идеалов «свободной торговли») настолько сильны в американском обществе, что заставляют противников Д. Трампа искать иные методы объединения избирателей на президентских выборах 2020 г. «В настоящее время, – полагает британский политолог Э. Гэмбл, – не ясно, является ли феномен Трампа преходящим спазмом, который вскоре будет забыт с приходом [в Белый дом] более традиционного президента, или же он предвещает долговременный сдвиг в международной политике. Если США продолжат свою презрительную политику в отношении многих институтов, которые служили проекцией мощи и влияния Америки, <...> мировой порядок быстро распадется, поскольку другие государства воспользуются возможностью утвердить свои сферы интересов. Возвращение к миру торговых и валютных войн, труднопроницаемых границ (с целью сдерживания иммиграции) может стать возможным следствием [такой переориентации]. Подобный исход не является неизбежным, однако он стал возможным, особенно со времени финансового кризиса и утверждения силы национального популизма во многих странах» [Gamble 2019]. Немаловажно и то, что между «новыми популистами» США и Западной Европы

установлены прочные горизонтальные связи, а объединяющими началами их отношений стали антиглобализм, торможение интеграционных процессов в Евросоюзе, жесткие антииммиграционные действия.

Аналитики напоминают: в той или иной степени «национальный популизм» охватил, помимо США, такие страны, как Великобритания, Италия, Новая Зеландия, Бразилия и т. д., что сделало иллюзорными прогнозы на «конец истории» (Ф. Фукуяма). Либералы, утверждает американский автор Р. Джирдуски, «стоят перед перспективой еще больших электоральных потерь, если они не найдут решения проблем, вызываемых глобализмом, массовой иммиграцией и социально-имущественным неравенством» [Girdusky 2019]. Популисты (подобные Д. Трампу), отмечает М. Макмиллан из Оксфордского университета, не апеллируют к какому-либо конкретному классу или слою. Они используют более широкие социально-философские категории, такие как *идентичность* и *культура*. Их электоральная аудитория – те, кто экономически ущемлен глобализацией, озабочен потерей рабочих мест вследствие иммиграции, обеспокоен изменением расово-этнической композиции общества или просто страдает от потери завоеванного когда-то социального статуса [MacMillan 2016]. Коротче говоря, авторы различных идеологических направлений вынуждены признать: «новый популизм» – это не только Д. Трамп и его единомышленники; «национальный популизм» интернационален по своему происхождению и сущностным характеристикам. Появление Д. Трампа есть результат развития США и других стран Запада начиная по меньшей мере с первой половины 1980-х гг. Соответственно, и ответ тех сил, которые отстаивают либеральную «версию» развития «золото-

го миллиарда» и остального мира, должен быть системным, интеллектуально и материально подготовленным, а не опираться на политические технологии отстранения от власти тех или иных «несимпатичных» им лиц.

Профессионалы социально-политического анализа на Западе начинают понимать: «национальный популизм» отнюдь не кратковременное явление, но долгосрочный тренд, контуры которого начали формироваться не позднее начала–середины 1980-х гг. Так, британские политологи Р. Итвелл и М. Гудвин выделяют *четыре* фундаментальных общественных сдвига, которые в итоге вызвали к жизни явление «национального популизма» (авторам данная дефиниция представляется более конкретной и содержательной, нежели расплывчатый «новый популизм», страдающий отсутствием связи со своими социальными носителями).

Либеральная модель демократии, по сути, минимизировавшая участие массовых слоев населения в реальной политике, все более отдаляла власть от гражданского общества, становилась все менее отзывчивой к интересам народа и в конечном счете убедила значительную часть избирателей в том, что последние фактически лишены права голоса. Данное явление характерно не только для Америки, но и для других «институционализированных демократий» (Великобритании, Франции, Германии, Нидерландов и т. д.).

Иммиграционные потоки и изменение этнодемографической структуры населения вызывают в обществах «золотого миллиарда» ощущение катастрофичности и необратимости перемен, грозящих *разрушением* некогда жизнеспособной ткани общества, исторической идентичности социума, наконец, самого уклада жизни. В обществе крепнет убеждение в деструктивной деятельности либеральных элит, транс-

национальных институтов и глобальной финансовой олигархии, реализующих враждебные основной части народа интересы и стремящихся подавить всякую оппозицию антинациональному курсу.

Неолиберальная версия глобализации имеет следствием стойкое ощущение утраты достигнутого немалыми усилиями социально-имущественного статуса у массовых групп населения стран Запада и утрату веры в будущее. В «катастрофическом сознании» народа глобализация, миграционные потоки и угроза идентичности слились воедино и трансформировались в категорическое неприятие элит, продолжающих свою «самостоятельную» от интересов народа политику.

Кумулятивным эффектом вышеобозначенных процессов стало отчуждение массовых слоев населения от традиционных господствующих партий. (Авторы называют данный процесс *de-alignment*.) Массовое отчуждение делает партийно-политические системы Запада хрупкими, фрагментированными и непредсказуемыми в своем «поведении», чего не случалось за всю историю «массовой демократии» [Eatwell, Goodwin 2018].

Вышеописанные процессы подготовили почву для прихода к власти альтернативной социально-политической коалиции, которую возглавили силы «национального популизма», прежде всего в США. По логике вещей, «популистские» политические тенденции будут и впредь стимулировать неослабевающими иммиграционными потоками с исторического Юга, с одной стороны, и вялой демографической динамикой в странах Запада – с другой. «Национальный популизм», считают британские авторы, не является «вспышкой протеста». Одна из центральных причин возникшего явления в том, что многие на Западе теперь

всерьез озабочены тем, как развиваются их общества и по какой долгосрочной траектории движется «североатлантическая сверхцивилизация» в целом [Eatwell, Goodwin 2018, p. xxix].

Многие из нас, включая представителей «академии», предпочитают простые, монофакторные объяснения причинности фундаментальных политических сдвигов. В нашем конкретном случае это – «бунт» белого «низшего класса», поразивший индустриальное «сердце» Америки. Вспомним, однако: за Д. Трампа проголосовали более 62 млн избирателей. Свыше 17 млн голосов были поданы за Brexit, уровень поддержки Марин Ле Пен на президентских выборах 2017 г. превысил 10 млн человек, тогда как доверие «Альтернативе для Германии» выразили почти 6 млн немцев, пришедших к урнам для голосования. Политика, как принято говорить в «крупнейшей демократии мира», Индии, это – *игра больших цифр и с большими цифрами*. Так что феномен «национального популизма» заслуживает *научного* объяснения.

Так, во время первичных выборов 2016 г. медиана доходов домохозяйств избирателей Д. Трампа составляла 72 тыс. долл., а у Х. Клинтон и Б. Сандерса этот показатель оказался ниже, 61 тыс. долл. В штатах Коннектикут, Флорида, Иллинойс, Нью-Йорк и Техас доходы избирателей 45-го президента США в годовом исчислении превышали среднезавешенные по стране на 20 тыс. долл. [Eatwell, Goodwin 2018, p. 4]. Успех Д. Трампа был связан со сдвигами в политической психологии американцев: многие не желали превращаться в этнокультурное «меньшинство», живущее в собственной стране по навязанным сверху законам «мультикультурализма». Аналогичными были причины роста сил «национального популизма» в Австрии, Нидерландах и Швейцарии,

т. е. в странах с низким уровнем безработицы.

Ошибочно мнение о поддержке Д. Трампа преимущественно белыми американцами. Д. Трамп завоевал поддержку 28% испаноговорящих избирателей, тогда как Х. Клинтон была менее успешной в отношениях с данной группой избирателей, чем Б. Обама. Д. Трамп добился заметных успехов среди американцев кубинского происхождения в ключевой для исхода голосования Флориде (более чем 50%-я поддержка), хотя в целом данная группа электората тяготеет к демократам.

Такая же «путаница» возникла с оценкой поддержки основных кандидатов избирателями-женщинами. За Д. Трампа проголосовали 53% белых избирательниц. К тому же Х. Клинтон явно рассчитывала на более активную поддержку со стороны афроамериканцев. К важным слагаемым успеха будущего президента относят эффективность Д. Трампа и его команды в мобилизации избирателей в «колеблющихся» штатах и в сохранении массовой базы поддержки в традиционном республиканском электорате, который в 2012 г. голосовал за М. Ромни.

Ясно, что электорат Д. Трампа – это не отверженные глобализацией «бедные люди»; в мотивациях его избирателей заметен симбиоз нескольких реакций и поведенческих моделей, что позволяет вычлнить по меньшей мере *пять* электоральных групп, поддержавших 45-го президента США. *Первую* группу (31% избирателей Д. Трампа) составляют «стойкие консерваторы» (*staunch conservatives*), сторонники традиционных моральных устоев американского общества, представители среднего класса, имеющие достаточную интеллектуальную подготовку, чтобы разбираться в политике и понимать ценность сбалансированного бюджета (собственного и государ-

ственного). «Стойкие консерваторы» поддерживали Д. Трампа начиная с первичных выборов. Во *вторую* группу (25%), «сторонников свободного рынка» (*free marketeers*), попали адепты «компактного правительства», активные защитники свободы торговли, очевидные противники Х. Клинтон, лица среднего возраста, обладатели недвижимости. (Первая и вторая группы составили, как видим, более половины сторонников Д. Трампа.) *Третью* группу поддержки (20%) образуют «охранители» (*preservationists*), те, для кого важно восстановление былых основ социального миропорядка, разрушенного деструктивной деятельностью нынешних элит. «Охранители» – американцы скромного достатка; их доход в расчете на домохозяйство не превышает 50 тыс. долл. в годовом исчислении. К «охранителям» тесно примыкают избиратели *четвертой* группы, «антиэлитисты» (*antielites*), доходы которых несколько выше, но которые категорически не приемлют сложившийся в Америке социальный порядок (19%). Наконец, в *пятую* электоральную группу входят «отстраненные» (*disengaged*), сравнительно небольшой демографический отряд американцев (5%), прежде не интересовавшихся политикой, однако почувствовавших, что «все пошло не так», и решивших поддержать *нового* человека [Ekins 2017].

Как видим, у вышеперечисленных электоральных групп разные представления об оптимальных алгоритмах развития экономики. Однако все они едины в главном: в категорической необходимости *порядка, стабильности общества, групповой солидарности, ограничения иммиграционных потоков*. Д. Трамп искусно апеллировал к общей культурной дезориентации и мировоззренческой растерянности, к необходимости «вернуть Америку амери-

канцам» (согласно некоторым оценкам, к 2042 г. белое население США имеет возможность оказаться в численном меньшинстве) и в своем диалоге с избирателями оказался успешнее своих республиканских предшественников, Дж. Маккейна и М. Ромни. Можно сказать, «национальный популизм» (Д. Трамп и его единоверцы в Западной Европе) предпочитает фокусировать внимание не столько на деталях будущей политики, сколько на сиюминутных тяготах избирателей.

Историческое обоснование «исключительности» Америки Д. Трамп и его единомышленники видят в прочности демократических устоев общества и в способности народа усердно и осмысленно трудиться. Видимо, неслучайно в Овальном кабинете Белого дома Д. Трамп повесил портрет президента (1829–1837) Э. Джексона, почитавшего достоинства простого труженика, который противопоставлялся праздности богатеев и воплощал своей деятельностью Америку, «уникальную самоуправляемую республику».

«Новый популизм» воспользовался и тем обстоятельством, что в конце XX века партии «мэйнстрима», включая социал-демократов, приняли на вооружение неолиберальные экономические теории, практическое воплощение которых имело следствием резкое углубление социально-имущественных диспропорций в странах Запада. Д. Трамп считает, согласно мнению Р. Итвелла и М. Гудвина, что «важные принципы неолиберальной экономической модели не способствовали продвижению интересов Америки» и что «свобода торговли не всегда отвечает интересам американских рабочих» [Eatwell, Goodwin 2018, p. 79]. Сможет ли популистский дискурс трансформироваться в конкретные направления социально-экономической политики, покажет будущее.

Америка переживает сложный, пожалуй, беспрецедентный период своей истории. Некоторые авторы вообще сомневаются, что лидер мировой экономики может сохраниться как единое территориальное пространство, если, разумеется, не прекратится «самоубийство сверхдержавы» [Buchanan 2011]. Вместе с тем опыт «нового курса» показывает: популизм есть инструментарий, с помощью которого можно, после качественной перегруппировки социально-политических сил, вывести американское общество на новый, более высокий уровень равновесия. В этой своей, инструментальной, ипостаси популизм выступает как своего рода запас прочности политической системы США в момент чрезвычайного социального и культурного/цивилизационного напряжения внутри американского общества. Поэтому, как представляется автору, «новый популизм» в образе Д. Трампа – явление далеко не случайное; и возможно, это явление, внутренне изменяясь, определит развитие Америки на обозримую историческую перспективу.

Итак, что можно увидеть за горизонтом «нового популизма»? Хотя некоторые сторонники «национального популизма» не без симпатии относятся к социально-экономическим идеям «исторических» левых, подавляющее большинство избирателей Д. Трампа не приемлют эгалитарное общество. Их политический ориентир – «справедливый» общественный порядок, в котором «соль земли» возвращает себе некогда утраченные занятость и социальную защиту, как и «честность» партнеров в сфере внешнеэкономических отношений [Eatwell, Goodwin 2018, p. 276].

Однако эти важные, но частные проблемы будет нелегко решить, не имея «под рукой» инструментарий социальной интеграции общественного пространства, способный помочь реализации сакраментальной «повестки разви-

тия», включающей энергичный экономический рост, максимально возможную занятость (имеющую для Америки экзистенциальное значение), относительно равномерное распределение национального дохода (преодоление *поляризованного* типа развития). Иначе говоря, со всей силой напомнила о себе задача воссоздания *общества среднего класса*, выпестованного Ф.Д. Рузвельтом «детейца», от которого легкомысленно отказались Р. Рейган и его преемники в Белом доме. Вновь на повестке дня вопрос о широкой, полисоциальной коалиции, способной не только выигрывать выборы, но и совместно с просвещенной частью элиты, осмысленно трудиться над созданием модели нового, интеллектуально развитого и справедливого общества.

Столь масштабный проект (назовем его *постпопулизм*), как в свое время «новый курс», будет вовлекать в водоворот новой жизни те группы политического класса, которые уже не могут «жить по-старому», а потому в своей практической деятельности неизбежно откажутся от одряхлевшей дихотомии *правые – левые*, доставшейся миру от Французской революции 1789–1794 гг. Духовно-интеллектуальное и социально-структурное усложнение общества неизбежно потребует нового, целерационального идейного инструментария организации социума на началах, доступных пониманию народа.

Список литературы

- История США. Т. 2. 1887–1918 (1985). М.: Наука.
История США. Т. 3. 1918–1945 (1985). М.: Наука.
История США. Т. 4. 1945–1980 (1987). М.: Наука.
Популизм // Энциклопедия «Всемирная история» // <https://w.histrf.ru/se>

arch?search=%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC&source_id=1, дата обращения 25.08.2020.

Флорида Р. (2018) Новый кризис городов. М.: Точка.

Buchanan P.J. (2011) *Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025?* New York: St.Martin's Press.

Burnham W.D. (1970) *Critical Elections and the Mainsprings of American Politics*, New York: W.W. Norton.

Carpeentier de Courdon C. (2019) *Crisis of Democracy and Secularism: Words in Search of Meaning* // Sunday Guardian, December 14, 2019 // <https://www.sundayguardianlive.com/opinion/crisis-democracy-secularism-words-search-meaning>, дата обращения 25.08.2020.

de Swaan A. (1988) *In Care of the State. Health Care, Education and Welfare in Europe and the USA in the Modern Era*, Cambridge: Polity Press.

Di Tella T.S. (1997) *Populism into the Twenty-first Century* // *Government and Opposition*, vol. 32, no 2, pp. 187–200. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1997.tb00157.x

Eatwell R., Goodwin M. (2018) *National Populism. The Revolt against Liberal Democracy*, London: Pelican.

Ekins E. (2017) *The Five Types of Trump Voters* // Voter Study Group, June, 2017 // <https://www.voterstudygroup.org/publication/the-five-types-trump-voters>, дата обращения 25.08.2020.

Gamble A. (2019) *Globalization and the New Populism* // Policy Network, April 11, 2019 // policynetwork.org/opinions/essays/globalization-and-the-new-populism/, дата обращения 25.08.2020.

Girdusky R. (2019) *The Not-So-New Populism* // The American Conservative, April 11, 2019 // <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-not-so-new-populism-farage-le-pen-orban/>, дата обращения 25.08.2020.

Hair W.I. (1991) *The Kingfish and His Realm: The Life and Times of Huey P. Long*, Baton Rouge: Louisiana State University Press.

Kazin M. (1995) *The Populist Persuasion: An American History*, New York: Basic Books.

Kenny P.D. (2017) *Populism and Patronage. Why Populists Win Elections in India, Asia and Beyond*, New Delhi: Oxford University Press.

Leshner S. (1994) *George Wallace: American Populist*, Reading, MA: Addison-Wesley.

Lord B. (2019) *The U-Turn That Made America Staggeringly Unequal* // CounterPunch, December 5, 2019 // <https://www.counterpunch.org/2019/12/05/the-u-turn-that-made-america-staggeringly-unequal/>, дата обращения 25.08.2020.

MacMillan M. (2016) *The New Year and the New Populism* // The Strategist, December 21, 2016 // <https://www.aspistrategist.org.au/new-year-new-populism/>, дата обращения 25.08.2020.

Reich R. (2016) *Saving Capitalism, For the Many, Not the Few*, London: Icon Books.

Taggart P. (2002) *Populism*, Buckingham: Open University Press.

Thurow L. (1996) *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*, London: Nicolas Brealey Publishing.

USA: New Realities

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-12

The Phenomenon of “New Populism”: the American Dimension

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2020) The Phenomenon of “New Populism”: the American Dimension. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 256–277 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-12

Received: 12.01.2020.

ABSTRACT. *The article examines the evolution of ideological and political attitudes, the essential characteristics and instrumental functions of modern populism using the case of the United States of America. It is well known that populism differs from other political movements in its direct appeal to voters / people as an undifferentiated social mass, and thus constitutes an effective means of mobilizing the masses of the population in a protracted crisis of the political system and its institutions. The instrumental effectiveness of populism is often used to regroup social forces necessary for society and to give the entire political system greater elasticity, to increase its responsiveness to the interests of the “street man,” that is, ordinary voter. The ruling groups, especially in the USA, have learned to use populism effectively as a force capable of reducing the intensity of social conflicts, as well as for the integration of the “dissatisfied” into the existing institutions of the state that they themselves need. The first, and very successful, example of this kind was the “new deal” of F.D. Roosevelt, the political result of which was the creation in*

America of a “middle class society” that was not susceptible to extremes of both the right and the left. At present, the overlapping civilizational “rift” and the political crisis have forced the influential forces of American society to turn again to populism as a proven means of modifying America’s development model and pacifying a significant part of the population of this country. The 2016 presidential election convincingly demonstrated the powerful instrumental capacities of populism, manifested, in particular, in a certain renewal of the US socio-economic policy. Similar processes of regrouping of socio-political forces are to be observed in other “institutionalized democracies” of the West, which allows us to consider the “new” / “national” populism as a relatively stable and long-term phenomenon of socio-political development of the western world.

KEY WORDS: *populism, “national populism”, crisis of American society, regrouping of forces, G. Wallace, R. Perot, D. Trump, social and economic disparities, civilization split of society, F.D. Roosevelt*

References

- Buchanan P.J. (2011) *Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025?* New York: St.Martin's Press.
- Burnham W.D. (1970) *Critical Elections and the Mainsprings of American Politics*, New York: W.W. Norton.
- Carpeentier de Courdon C. (2019) Crisis of Democracy and Secularism: Words in Search of Meaning. *Sunday Guardian*, December 14, 2019. Available at: <https://www.sundayguardianlive.com/opinion/crisis-democracy-secularism-words-search-meaning>, accessed 25.08.2020.
- de Swaan A. (1988) *In Care of the State. Health Care, Education and Welfare in Europe and the USA in the Modern Era*, Cambridge: Polity Press.
- Di Tella T.S. (1997) Populism into the Twenty-first Century. *Government and Opposition*, vol. 32, no 2, pp. 187–200. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1997.tb00157.x
- Eatwell R., Goodwin M. (2018) *National Populism. The Revolt against Liberal Democracy*, London: Pelican.
- Ekins E. (2017) The Five Types of Trump Voters. *Voter Study Group*, June, 2017. Available at: <https://www.voterstudygroup.org/publication/the-five-types-trump-voters>, accessed 25.08.2020.
- Florida R. (2018) *New Urban Crisis*, Moscow: Tochka (in Russian).
- Gamble A. (2019) Globalization and the New Populism. *Policy Network*, April 11, 2019. Available at: <https://policy-network.org/opinions/essays/globalization-and-the-new-populism/>, accessed 25.08.2020.
- Girdusky R. (2019) The Not-So-New Populism. *The American Conservative*, April 11, 2019. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-not-so-new-populism-farage-le-pen-orban/>, accessed 25.08.2020.
- Hair W.I. (1991) *The Kingfish and His Realm: The Life and Times of Huey P. Long*, Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- History of the USA*. Vol. 2, 1887–1918 (1985), Moscow: Nauka (in Russian).
- History of the USA*. Vol. 3, 1918–1945 (1985), Moscow: Nauka (in Russian).
- History of the USA*. Vol. 4, 1945–1980 (1987), Moscow: Nauka (in Russian).
- Kazin M. (1995) *The Populist Persuasion: An American History*, New York: Basic Books.
- Kenny P.D. (2017) *Populism and Patronage. Why Populists Win Elections in India, Asia and Beyond*, New Delhi: Oxford University Press.
- Leshner S. (1994) *George Wallace: American Populist*, Reading, MA: Addison-Wesley.
- Lord B. (2019) The U-Turn That Made America Staggeringly Unequal. *CounterPunch*, December 5, 2019. Available at: <https://www.counterpunch.org/2019/12/05/the-u-turn-that-made-america--staggeringly-unequal/>, accessed 25.08.2020.
- MacMillan M. (2016) The New Year and the New Populism. *The Strategist*, December 21, 2016. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/new-year-new-populism/>, accessed 25.08.2020.
- Populism. *World History Encyclopedia*. Available at: https://www.histru.ru/search?search=%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC&source_id=1, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Reich R. (2016) *Saving Capitalism, For the Many, Not the Few*, London: Icon Books.
- Taggart P. (2002) *Populism*, Buckingham: Open University Press.
- Thurow L. (1996) *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*, London: Nicolas Brealey Publishing.